

Гельмут Фигдор

ДЕТИ РАЗВЕДЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Психология для профессионалов

Гельмут Фигдор

**Дети разведенных родителей:
Между травмой и надеждой**

«Питер»

2004

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Фигдор Г.

Дети разведенных родителей: Между травмой и надеждой /
Г. Фигдор — «Питер», 2004 — (Психология для профессионалов)

ISBN 978-5-4461-1374-3

Ребенок воспринимает свою семью как единое целое. Для него развод родителей – это крушение мира. Что делать, если расставание неизбежно, и как сообщить об этом детям? Какие слова найти, чтобы не ранить, и как не превратиться в злейшего врага? Исследование Венского института прикладного психоанализа подтвердило, что развод и новый брак – частые причины обращения к специалисту. Эта книга отвечает на вопросы родителей, которые не хотят причинить боль своим детям. Ее автор Гельмут Фигдор – австрийский психотерапевт, член международной психоаналитической ассоциации. Вы узнаете, как получить первую помощь и почему нужно перестать думать за ребенка. Разберетесь в своих чувствах и чувствах вашего партнера. Поймете, какие ошибки допускаются в попытках не травмировать детскую психику. Прошлое изменить нельзя, но повлиять на будущее под силу каждому. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-4461-1374-3

© Фигдор Г., 2004
© Питер, 2004

Содержание

Предисловие к восьмому изданию	6
Предисловие	7
Введение	8
Часть первая	17
Глава 1	17
1.1. Психологический момент развода	17
1.2. Видимые и «скрытые» реакции ребенка на развод	18
1.3. Печаль, гнев, чувство вины и страх	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Гельмут Фигдор

Дети разведенных родителей:

Между травмой и надеждой

Helmuth Figdor

**Kinder aus GESCHIEDENEN EHEN:
Zwischen Trauma und Hoffnung**

Wie Kinder und Eltern die Trennung erleben

Psychosozial-Verlag

Права на издание получены по соглашению с Psychosozial-Verlag. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Helmuth Figdor: Kinder aus geschiedenen Ehen:

Zwischen Trauma und Hoffnung Wie Kinder und Eltern die Trennung erleben (10. Aufl. 2017)

© 2004 Psychosozial-Verlag, Gießen, www.psychosozial-verlag.de

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2021

© Серия «Психология для профессионалов», 2021

Предисловие к восьмому изданию

Как автор я, конечно, рад постоянному спросу на свою выдержавшую уже 8-е издание книгу. Но не знаю, насколько уместно переиздавать ее в неизменном виде. С момента написания прошло уже пятнадцать лет, за это время многое изменилось: тему развода и детско-родительских отношений осветили в большом количестве научных публикаций, да и саму роль расставания люди начали понимать иначе. Изменились общепринятые социальные нормы (например, появилась совместная опека, посредничество при разводе; консультации по вопросам брака и семьи, а также воспитания детей; сопровождение бракоразводного процесса и социально-педагогическая поддержка для детей разведенных родителей). В книге поднимаются вопросы, ответить на которые раньше было невозможно. Некоторые проблемы, описанные здесь, в настоящее время сняты полностью или частично – например, это касается методологии консультирования в спорных случаях, рекомендованных действий консультантов и родителей.

Книга посвящена субъективным переживаниям расставания и способам психодинамической проработки этих переживаний – как у детей, так и у родителей. В этом смысле ее можно считать фундаментальной.

Актуальность исследования выходит за рамки обычного теоретического интереса. Мой опыт работы психотерапевтом и консультантом по вопросам воспитания детей показывает, что значительная часть перекосов в воспитании связана с ошибочной интерпретацией поведения ребенка. Родители, а также некоторые консультанты испытывают серьезные трудности, когда пытаются проникнуть в мир детских переживаний. В большинстве случаев мамы и папы также не особенно хорошо осознают свои чувства и мотивы своих поступков. Модель поведения, которую взрослые выбирают «в интересах детей», при ближайшем рассмотрении часто оказывается связана с сугубо личными мотивами. Потребности детей при этом совсем не учитываются.

Разобравшись как следует с субъективным восприятием развода и расставания, родители получают возможность узнать больше о психике детей, лучше понять свои чувства и чувства партнера. Это позволит справиться с жизненным кризисом, который возникает из-за развода, и справиться педагогически правильно. Осведомленность о субъективном восприятии развода детьми и родителями не менее важна и для консультирующих специалистов.

Успеху данной книги поспособствовала и практическая значимость положенного в ее основу психоаналитического подхода. Вот почему мне представляется логичным оставить текст без изменений. Тем не менее произошедшие с момента выхода книги изменения в обществе и профессиональной среде я не оставил без внимания. В послесловии я сделал обзор литературы по упомянутым в тексте и сносках теоретическим проблемам. Я дополнил перечень собственных публикаций несколькими, по моему мнению, особенно важными работами других исследователей.

Вена, февраль 2004 года

Предисловие

Эта книга основана прежде всего на исследованиях, проведенных в рамках проекта *Института прикладного психоанализа* при Обществе Зигмунда Фрейда в Вене (Sigmund Freud Gesellschaft). В первую очередь я хочу поблагодарить команду проекта, без чьей профессиональной помощи, заинтересованности и готовности к сотрудничеству работа не получилась бы. Это доктор *Констанс Бухингер*, доктор *Ангелика Фритц*, доктор *Аликс Паулюс*, работник социальной сферы *Билли Раушер*, доктор *Томас Штефенсон*, доктор *Бригитта Тимель-Хаас*, а также магистр *Инга Шольц-Штрассер*, которая была координатором проекта. Особая благодарность – президенту Общества Зигмунда Фрейда, доценту Венского университета, доктору *Гарольду Лойпольд-Лёвенталю*¹, давшему мне почетное и увлекательное задание: реализовать проект и обобщить результаты, полученные в ходе работы.

Доктору *Сильвии Яничек* я благодарен за ряд интересных идей, которые оказались важными для этой книги. И наконец, я хочу почтить память моего руководителя и наставника, доктора *Марты Кос-Робес*, чья скоростная смерть в прошлом году повергла в траур всех, кто знал ее и имел счастье с ней дружить.

Вена, сентябрь 1990 года

¹ В настоящее время президентом Общества является Мартин Энгельберг. – *Примеч. ред.*

Введение

I

«Я бы не хотела, чтобы мой ребенок был совершенно беспроблемным, ведь для мальчика естественно быть резвым и непослушным». Фрау Б. вздыхает, потом опускает глаза, а когда снова начинает говорить, то едва сдерживает слезы: «Но я не знаю, что мне делать. Я на грани срыва!» Я был удивлен. Фрау Б. обратилась ко мне, чтобы получить советы по воспитанию. В самом начале нашей беседы она охарактеризовала своего пятилетнего сына *Лео* как смышленного, развитого мальчика, с которым начинаются проблемы, когда нужно делать то, чего он делать не хочет – например, одеваться и раздеваться, выключить телевизор, идти спать и т. п. Мать также обеспокоена, что сын слишком стесняется чужих взрослых. Все это она рассказала мне в спокойной и непринужденной манере. И вдруг – растерянность, слезы... Такая реакция, на мой взгляд, не соответствует сравнительно невинным симптомам, которые клиентка описала ранее. Я говорю об этом frau Б., а она в ответ, заливаясь слезами, рассказывает, что вся их жизнь с сыном – сплошные конфликты, что отношения испорчены, что они постоянно кричат друг на друга, а потом рыдают. Мальчик в последнее время убегает от нее, когда она приходит за ним в детский сад. Я спрашиваю, знает ли frau Б., почему так происходит. В ответ она говорит: «Я не знаю. Но может быть, мои родственники и друзья правы, когда упрекают меня в том, что я избаловала Лео, что я недостаточно строга с ним. Я пыталась воспитывать сына, опираясь на понимание вместо строгости. А сейчас я не понимаю, что происходит между нами. Очевидно, я все делаю неправильно!»

Время консультации подходит к концу. Я обращаю внимание frau Б. на то, что она много сообщила мне о себе и Лео, о родственниках и друзьях, но не сказала ни слова об отце ребенка. Она краснеет, будто я застиг ее на месте преступления, и говорит, как бы мимоходом, но на самом деле сильно волнуясь: «Да, это верно. Отец для Лео роли не играет. Мы уже два года в разводе, сын видит его раз в месяц, а то и в два». Далее frau Б. утверждает, что развод не мог повлиять на ребенка, потому что на тот момент ему было всего два года, и он не мог ничего понять, совсем не расстроился. Клиентка держится отчужденно и изо всех сил старается сбить меня с «верного пути». Поскольку время беседы истекло, мы договариваемся о следующей встрече.

Конечно, нельзя заранее предполагать, что трудности в отношениях между Лео и его матерью связаны исключительно с разводом. Но все же удивительно, что эта образованная женщина, которая к тому же интересуется психологией, не видит связи между этими фактами. Это заставляет психоаналитика подозревать присутствие неразрешенных психических конфликтов, в которых важно разобраться, чтобы решить проблему.

Возникает вопрос: почему мать Лео пыталась скрыть, что развелась с мужем? У меня сложилось впечатление, что ей просто не хотелось снова сталкиваться с этим фактом. Но неделю спустя на очередной консультации frau Б. сама поднимает этот вопрос – начинает рассказывать о себе, своем браке, разочарованиях и переживаниях; говорит о том, что ее муж вскоре после рождения Лео начал больше заботиться о ребенке, своих друзьях и развлечениях и все меньше – о жене. Сама она в тот момент сосредоточилась на сыне, не хотела спать с мужем, что еще больше осложняло отношения. Прожив так полтора года, она решила забрать ребенка и уйти. В заключение frau Б. рассказала, плача, что несколько месяцев не решалась уйти, чувствуя, что не имеет права отнимать у ребенка отца. Да, муж все реже бывал дома, но Лео очень его любил. Можно предположить, что именно чувство вины заставило frau Б. отрицать

роль отца для сына, как и значение развода. Она убедила себя в том, что ребенок не заметит изменений в семье. Иначе просто не смогла бы развестись.

Фрау Б. – далеко не единственная женщина, живущая в состоянии внутреннего конфликта. Личные потребности и чувства входят в противоречие с родительской совестью. Большинство родителей, которые решились на развод, чувствуют себя очень виноватыми перед детьми. В Австрии распадается каждый третий брак, и каждый десятый ребенок в возрасте до 14 лет переживает развод родителей²(для ФРГ и Швейцарии цифры те же). Такие семьи встречаются часто, и сегодня родители-одиночки кажутся вполне обычным явлением. Однако в общественном сознании присутствуют противоречащие друг другу установки: все признают право человека расторгнуть неудачный брак, при этом все так же твердо убеждены, что развод родителей вредит детям.

Педагоги обычно осуждают развод («родители должны прежде всего думать о детях»), приводя в качестве аргументов выводы многочисленных исследований на эту тему. Например, есть данные, что развод и новые браки родителей часто провоцируют возникновение проблем, которые в дальнейшем заставляют обращаться за психологической помощью¹. В частности, это может быть общее беспокойство, переживание, бессонница^{3 4}. Многие дети начинают снова мочиться в постель⁵, появляются поведенческие проблемы: трудности с дисциплиной в школе и в семье⁶, иногда даже воровство⁷. У таких детей часто развиваются психосоматические симптомы – боли в желудке, головные боли, угри и другие⁸. Большинство детей из распавшихся семей проявляют особую раздражительность, страдают от чувства страха, тревожности и апатии⁹; почти у всех наблюдается агрессия по отношению к одному или обоим родителям или к другим детям¹⁰. Некоторые показывают слишком выраженную зависимость от взрослых, отстают от сверстников в социальном и эмоциональном плане¹¹. Перечисленные симптомы часто сопровождаются снижением внимательности и ухудшением успеваемости¹². Во многих случаях это не просто временные нарушения. Сравнительный анализ школьных достижений и профессионального образования детей из полных и неполных семей показывает, что дети разведенных родителей часто пропускают учебу в средних или старших классах и уровень их образования из-за этого страдает¹³.

Родители часто тянут с разводом из-за детей, так как, по мнению специалистов, именно благополучие детей превыше всего. Возникает вопрос: *является ли развод как таковой ответственным поступком – с педагогической точки зрения?*

У многих матерей и отцов нет выбора – разводиться или нет, партнер просто уходит. Но если не брать в расчет такие случаи, то возникают мысли об основных противоречиях между личными интересами и интересами детей. Результаты исследований не дают основания полагать, что у детей не появились бы проблемы, если бы родители не развелись. Такой вывод следует из каждого исследования, где сравнивается развитие детей из неполных семей с разви-

² Loidl, 1985; Stary, 1989.

³ Bühler/Kächele, 1978.

⁴ Например, Wallerstein/Kelly, 1980.

⁵ Например, Bühler/Kächele, 1978; Wallerstein/Kelly, 1980.

⁶ Например, Guidubaldi/Petty, 1985; Kalter/Plunkett, 1984.

⁷ Например, Bühler/Kächele, 1978.

⁸ Например, Doust, 1983; Wallerstein/Kelly, 1980.

⁹ Например, Doust, 1983; Wallerstein/Kelly, 1980.

¹⁰ Например, Bühler/Kächele, 1978; Bernhardt, 1986; Guidubaldi/Perry, 1985; Kalter/Plunkett, 1984; Wallerstein/Kelly, 1980.

¹¹ Например, Guidubaldi/Perry, 1985.

¹² Например, Bedkower/Oggenfuss, 1980; Bernhardt, 1986; Guidubaldi/Perry, 1985; Leahy, 1984; Wallerstein/Kelly, 1980.

¹³ Knapp/Verzentnitsch, 1983; Napp-Peters, 1987; Wallerstein/ Blakeslee, 1989.

тием детей, живущих в так называемых нормальных условиях¹⁴. Такие сравнения не учитывают психологический климат в семье. Возможно, не стоит разделять детей из семей, переживших развод, и детей, чьи родители постоянно ссорятся. Так, в ходе длительного исследования Валлерштейн¹⁵ пришла к выводу, что скандалы родителей вызывают у детей сильный страх. Даже если такие сцены происходили редко, дети спустя годы вспоминают о боли и страхе¹⁶, которые им пришлось пережить. Валлерштейн говорит, что в тяжелых случаях психические проблемы уже во взрослом возрасте возвращают людей к переживаниям, перенесенным в период развода родителей¹⁷.

В последние годы появился ряд системно-теоретических работ, в которых анализируются отношения родителей – бывает, что уже после развода ссоры между бывшими супругами вспыхивают с новой силой. Существует общее мнение: дети, втянутые в противостояние между матерью и отцом, оказываются в тяжелом конфликте лояльности, который наносит вред ментальному здоровью¹⁸. Это касается не только детей из распавшихся семей, но и детей, живущих в полных семьях: конфликтующие между собой родители ищут в детях союзников (это может происходить и осознанно, и неосознанно).

Ребенок очень чувствителен к перемене настроения родителей, остро переживает, когда кто-то из них чувствует себя несчастным и страдает. Нередко такие дети берут на себя роль «терапевтов брака», пытаются утешить или помирить маму и папу¹⁹. Во многих случаях такие попытки начинаются задолго до развода. Нередко так называемые «симптомы развода» появляются у детей непосредственно перед расставанием матери и отца. Подсознательная задача нетипичного поведения детей в этом случае – отвлечь родителей от их проблем в браке. Некоторые дети, пытаясь достичь этой цели, стараются как можно меньше злить родителей и лучше себя вести²⁰. Переживания из-за физического и психического насилия, конфликта лояльности, попытки помирить родителей оказывают на развитие детей отрицательное влияние – это касается и полных семей, где постоянно происходят ссоры, и детей уже разведенных родителей.

Исследования Бюлера и Кэхеле показывают, что чаще всего причиной обращения к детскому психиатру является развод и новый брак родителя. Но доказывает ли это, что развод однозначно вреден? Репрезентативная выборка исследований, проводимых консультационными службами, ненадежна. Да и сама *консультация* с переменными показателями – довольно сомнительный критерий для психогигиенической оценки развода. Каждый педагог и практикующий психолог знает о страхе родителей обратиться за профессиональной помощью из-за трудностей в воспитании. Возможно, родителям легче говорить о проблемах и обращаться за помощью, когда можно искать причины трудностей с детьми во внешних событиях (таких, как развод) или когда есть возможность перенести вину на другого (например, супруга, который стал инициатором развода). Если же свалить вину не на кого, приходится искать причину в себе. Становится стыдно, и это часто не дает возможности родителям сознаться друг другу (и самим себе) в собственных ошибках. Многие обращаются за советом (если вообще обращаются), только если не видят иного выхода. Это характерно и для родителей, ставших инициаторами развода. Тогда мы видим, как в истории с матерью Лео, отрицание родителем части своей вины в проблемах ребенка.

Есть и другой аргумент, который заставляет усомниться в утверждении, что развод отвечает лишь эгоистическим потребностям родителей: дети страдают больше всего, когда видят

¹⁴ Например, Напп-Петерс (Napp-Peters, 1987) о сравнении школьных успехов детей из полных и неполных семей.

¹⁵ Wallerstein/Kelly, 1980 и Wallerstein/Blakeslee, 1989.

¹⁶ Ср. также Wolchik et al., 1985.

¹⁷ Ср., например, историю Ларри (Wallerstein/Blakeslee, 1989, 146 ff.)

¹⁸ Эту проблему мы обсудим позже.

¹⁹ Например, Bernhardt, 1986; Wille, 1985a, 1985b; Wolchik et al., 1985.

²⁰ Bernhardt, 1986; Psychoanalytic inferences, 1983.

родителей несчастными и недовольными. К сожалению, нельзя утверждать, что счастливые в браке люди автоматически являются хорошими родителями. Но способность посвящать себя детям – главный критерий хорошего воспитания – снижается, когда взрослые чувствуют себя разочарованными, несчастными. Часто бывает, что родители, сохраняющие неудачный брак ради детей, в итоге воспринимают детей как виновников своей неудавшейся жизни (подсознательно, разумеется). Отношение к детям становится противоречивым, возникает тенденция к скрытой или даже явной агрессии.

Конечно, взрослые, которые переживают кризис брака, должны попытаться разрешить конфликт, прежде чем подать на развод. Сохранять брак в интересах детей имеет смысл, если родители смогут уважать друг друга и оба будут участвовать в решении конфликтов. Результаты исследований не подтверждают мнение, что развод – однозначно удачное решение для родителей и страшное для детей.

Противопоставление личных интересов и родительского долга превращает развод в грех. На примере фрау Б. видно, к чему могут привести убеждения, вызванные чувством вины. Для моей клиентки невыносима сама мысль о том, что ее решение разойтись с мужем принесло ребенку страдание. Исполнение законного *желания* стало для фрау Б. необходимым *условием* освобождения от брака, ставшего пыткой. Она придерживалась мысли, что Лео *не может* быть против развода, и любая негативная реакция со стороны ребенка становилась угрозой душевному равновесию матери. Психоанализ в подобных случаях говорит о (бессознательной) *защите* от конфликта. Трагизм ситуации заключается в том, что фрау Б. лишила себя возможности помочь ребенку в преодолении кризиса, связанного с разводом.

II

Что могут сделать родители, чтобы предотвратить последствия развода для детей? Как выйти из конфликтного брака, который может быть невыносим в том числе и для детей?

Статистические данные о виде и частоте проявлений так называемых «симптомов развода» не очень помогают. Степень выраженности внешних симптомов ничего не говорит ни о характере проблемы, от которой страдает ребенок, ни о ее долгосрочных последствиях. С психоаналитической точки зрения конфликты, стоящие за симптомами, или, другими словами, *значение* симптомов²¹, являются решающими. Без данных о них невозможно понять истинную проблему ребенка и определить, означает ли отсутствие симптомов, что конфликт разрешен. Бывает, что конфликты со временем начинают выражаться иначе: становятся более тихими, менее заметными, воспринимаются окружающими легче, но при этом они все равно замедляют психическое развитие ребенка. Почти вся литература, в которой описываются последствия развода для детей, следует упрощенной *концепции адаптации*: возникновение и исчезновение симптомов (зачастую незаметных) приравнивается к возникновению или исчезновению психических проблем. Это относится не только к статистико-эмпирическим, но и к большинству системных работ по семейной терапии. Сама Валлерштейн, которая в своих работах вдохновлялась психоанализом, показывает оптимистический настрой после первых катамнезов и утверждает, что в течение пяти лет после развода у многих детей специфические симптомы исчезают. По ее мнению, примерно 40 % детей переживают развод вполне удовлетворительно. Но дальнейшие исследования показывают обратное: проанализировав состояние детей 10–15 лет спустя после расставания родителей, ученые были вынуждены признать, что развод оставил глубокий след в душе даже у тех, кто смирился с ним.

«Три часа беседы с Денизой дали понять, что мы исходили из неверных предположений» (с. 125). «Мы смогли обнаружить отложенные последствия развода у детей из расправ-

²¹ См. экскурс по психоаналитической теории формирования невроза на с. 39.

шихся семей только благодаря проведенному длительному обследованию. У детей, которые в переходном возрасте и в школе почти не имели проблем, в более позднее время неожиданно проявлялись психологические кризисы. Только после того, как Дениза рассказала о своих страданиях, у нас возникло предположение, что у других девушек могут быть такие же замедленные реакции...» (с. 130).

Вызывающее поведение ребенка не всегда является невротическим симптомом в узком смысле. Резкий перелом в жизни, такой как развод, *должен* повлечь за собой реакцию, при условии что ребенок любит обоих родителей. Подобные психические реакции (В. Шпиль)²² часто выглядят как невротические симптомы. Они исчезают на новой ступени развития «Я» – то ли из-за привычки, возраста и изменения обстоятельств, то ли благодаря психологопедагогической поддержке, оказанной ребенку. Вызывающее поведение – это не всегда невротический симптом. Даже если ребенок демонстрирует слабую реакцию, это не освобождает нас от обязанности проявлять внимание к его психическому состоянию. Клиническая практика показывает, что неадекватная реакция окружения на любое (нормальное) раздражение ребенка мешает проработке опыта и в итоге способна даже спровоцировать возникновение душевных конфликтов. Эти конфликты, в свою очередь, разрешаются еще более невротическим путем – включаются подсознательные механизмы защиты.

Итак, нужно определить проблемы конкретного ребенка, понять *важность* его индивидуальной реакции на развод родителей. Важно разобраться в процессах, которые начинаются в психике ребенка, когда родители разводятся, и понять, как все это может отразиться на его дальнейшем развитии. Нужно искать способы помочь ребенку в преодолении кризиса.

Перечисленные выше методы в наше время – привилегия психоанализа. Но до сих пор психоаналитики были озабочены проблемами развода лишь в контексте индивидуальной патологии – когда пациенты или их родители пережили развод, который обсуждался во время психотерапевтического процесса. По этой причине в отдельных случаях психоанализу не удается использовать все свои возможности. Исследования, ориентированные на симптомы, предусматривают изучение вопроса об эффективных методах помощи. Главная заслуга таких исследований – это вывод о том, что частичная потеря одного из родителей почти у всех детей приводит к нарушению психического равновесия. Это невротический процесс с долгосрочными последствиями. Конечно, душевная травма каждого ребенка – особенная, однако психоаналитическое исследование большого числа отдельных случаев приводит к результатам, которые позволяют сформулировать *и общие положения надындивидуальной значимости*. А именно – легко предположить, что в результате столь значительного события в жизни ребенка, как расставание двух его самых любимых и нужных людей, часто проявляются определенные желания, фантазии, конфликтные положения и стратегии преодоления. Могут появиться и другие виды психических реакций. Если сфокусировать аналитический интерес не только на ребенке, но и на проблемах его родственников, их взглядах, типичных моделях взаимодействия и других условиях, можно получить представление о зависимости между детскими переживаниями и преодолением кризиса. Эту связь нельзя считать жесткой, но тем не менее можно предполагать, из-за каких внешних обстоятельств²³ вероятнее всего возникнут определенные переживания, какими будут способы их преодоления.

²² О концепции реакции переживаний см. в исследовании В. Шпиля 1967 года и на с. 174 этой книги.

²³ К внешним обстоятельствам (в этой связи) относятся и внутренние, под которыми понимаются психическое состояние родителей, их проблемы, чувства и конфликты.

III

Рассуждая таким образом, мы решили провести психоаналитическое или, точнее, психоаналитически-педагогическое исследование²⁴, посвященное влиянию развода на психическое развитие ребенка. Инициатива принадлежала Гаральду Лойпольд-Лёвенталю, президенту Общества Зигмунда Фрейда в Вене и председателю Института прикладного психоанализа – он официально возглавил проект. После урегулирования финансовых вопросов при участии юбилейного фонда Национального банка Австрии в конце 1986 года началась оргподготовка. В 1987 году мне поручили разработать методическую концепцию и взять на себя текущее руководство. Затем была создана творческая группа²⁵.

Базой проекта стала консультационная служба для разведенных и разводящихся родителей. Эта служба была создана специально для исследования, располагалась она на исторической территории: улица Берггас, 19, 5 (в квартире, некогда принадлежавшей Зигмунду Фрейду). Узнав о проекте из прессы, родители, учителя, воспитатели детских садов, специалисты по работе с молодежью, адвокаты проявили к нему интерес – для них это был шанс получить профессиональную помощь. Консультация была бесплатной, но лишь в случае, если родители готовы были пройти общее диагностическое обследование сами и согласны были на обследование детей. Так как проект должен был полностью отвечать психоаналитическим требованиям, мы не могли ограничиться одной лишь теоретической базой для формирования гипотез и интерпретацией результатов с точки зрения психоанализа. Важнейший предмет психоаналитического исследования – интрапсихические подсознательные процессы. В нашем случае изучить их можно было, лишь прибегнув к особой методике. Классический подход (обобщение данных, полученных в рамках терапии, сеансов психоанализа) нам не подходил. Оставшись в рамках психоаналитического сеттинга, мы не только приобрели бы сложности с точки зрения финансовых и временных затрат, но и смогли бы привлечь не слишком много клиентов. Это были бы в основном хорошо образованные и (или) чрезвычайно мотивированные родители, которые ради детей или самих себя решились на психоанализ. Кроме того, важный момент – мы увидели бы лишь тех детей, у которых развилась навязчивая симптоматика, вызывающая тревогу у родителей. Важно также и то, что при классическом подходе можно наблюдать изменения психики у обследуемых людей, но трудно выделить отдельную переменную величину «развод». Наблюдение занимает месяцы, а то и годы, человек, состояние которого мы анализируем, постоянно меняется. К тому же во время терапии связь психодинамического процесса и внешних обстоятельств бывает едва заметна.

Из этих соображений мы решили использовать для наших целей метод обследования, основанный на проективных психоаналитических тестах, которые дополнялись интервью с родителями²⁶. В среднем мы беседовали с родителями по четыре раза, всегда – полтора часа за сеанс. С детьми мы виделись по три-четыре раза (в зависимости от возраста), в течение часа-полтора. Результаты интервью и тесты обобщал и оценивал эксперт, а затем на заседаниях группы обсуждались результаты с учетом разработанного диагностического профиля проекта. При обработке, прежде всего, учитывались психодинамические проблемы пациентов и про-

²⁴ Занимаясь вышеупомянутыми вопросами, психоанализ выходит за рамки своей привычной практики, двигается от чисто терапевтических оценок к педагогическим подходам и их возможностям. На заре психоанализа (в 1920-х – 1930-х годах) применение психоаналитических теорий играло значительную роль в воспитании детей. А последние десять лет наблюдается возрождение традиций психоаналитической педагогики.

²⁵ Проектная группа состояла исключительно из психологов с психоаналитической подготовкой и педагогов, а также семейных психологов-социологов.

²⁶ Прежде чем приступить к разговору о полученных данных, надо решить ряд теоретических проблем. В приложении к книге эти вопросы раскрыты подробно, там же освещены выводы, сделанные по итогам методических заседаний.

блемы взаимодействия между членами семьи в каждом отдельном случае. Отдельно обсуждались методы работы с такими пациентами. На последнем этапе проводилась беседа с родителями и детьми об итогах обследования. В ходе таких бесед мы старались создать условия, чтобы избежать сознательного или бессознательного сопротивления пациентов, которое иногда возникало в связи с полученными результатами. Если же мы все-таки встречали сопротивление, то старались работать с ним. В итоговой беседе обсуждались данные, которые выходили за рамки имевшейся у родителей изначально информации, происходило сближение с экспертом и переход к психоаналитически-педагогической консультации. При частом общении достичь поставленной цели удавалось быстро, но в работе с отдельными парами были перерывы (они могли достигать нескольких недель и даже месяцев). Кроме того, осенью 1987 года мы организовали родительскую группу.

Разумеется, консультация помогала детям и их родителям – это компенсировало время, потраченное ими на встречи со специалистами. Мы получили возможность контролировать (верифицировать) результаты обследования. В итоге мы смогли исследовать методы и эффективность психоаналитически-педагогической консультации. С одной стороны, такая консультация является когнитивно ориентированной, а с другой – представляет собой метод психоаналитической терапии²⁷.

Исследования длились два года. За это время мы основательно обследовали сорок детей и условия их жизни. Если учесть обобщения, сделанные психоаналитиками самостоятельно и в команде, а также беседы с родителями, в общей сложности мы потратили на каждого ребенка от 35 до 40 часов. Полученные результаты были задокументированы в итоговом отчете проекта в 1988 году. С публикацией этого отчета мы решили подождать – результаты работы должны были стать окончательно понятны после новых встреч с теми же родителями и детьми в возрасте от трех до пяти лет. В образовавшемся промежутке я планировал заняться другими направлениями и своей обычной психотерапевтической практикой. Но произошло иначе.

Проблема развода не отпускала меня. Нашей работой заинтересовалось немецкоязычное научное общество: исследования широко освещались в прессе, нескольким семьям, где были тяжелые проблемы, нам удалось помочь – о хороших результатах сообщали адвокаты по семейному праву. Нам поступали приглашения выступить с докладами и провести встречи со специалистами, занимающимися проблемой развода (психологами, педагогами, работниками социальной сферы, судьями). Меня пригласили на встречу с группой помощи разведенным родителям, одиноким матерям и отцам. Кроме того, ко мне на консультации стали приходить пары, которые планировали развод, и уже разведенные. Благодаря этому я узнал о дополнительных проблемах, возникающих при разводе, возникли новые вопросы, появились новые идеи. И я решил написать книгу. Во многом потому, что полученные в ходе проекта знания уже принесли большую пользу родителям и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Я колебался между тем, чтобы опубликовать полученные данные, и тем, чтобы дождаться итоговых результатов проекта, когда издательство «Маттиас Грюневальд» предложило выпустить книгу. И я согласился.

IV

Как должна была выглядеть книга? Предметом нашего научного исследования была психодинамика детского переживания развода. Работа, во-первых, должна была описать вероятные отложенные последствия развода и, во-вторых, объяснять связь между психическим развитием и внешними (меняющимися) обстоятельствами. У каждого переживания есть созна-

²⁷ Методике психоаналитически-педагогической консультации для разведенных родителей будет посвящена отдельная работа..

тельные и подсознательные показатели, которые зависят от актуального психического состояния, индивидуальной истории и отношений с окружающими в настоящем и прошлом. Отношения внедряются в субъективные системы, формируются и меняются; за ними стоят личности (в нашем случае – прежде всего родители) с их сознательными и подсознательными конфликтами. Таким образом, требуется учет психодинамических факторов и их последовательности. Основных вариантов у меня было два. Первый подход: постараться рассмотреть феномен развода с разных точек зрения. Например, развод в подсознательном переживании ребенка / бессознательные аспекты в проектном тесте / переживание из-за развода матери или отца, интеракциональные аспекты отношений «родители – ребенок», «мать – ребенок», «отец – ребенок» и т. д. И в заключение – привести эмпирические данные, полученные в ходе анализа последствий, которые носят долгосрочный характер, информацию о педагогических и терапевтических формах взаимодействий.

Второй возможный метод – последовательно и подробно описать истории пациентов, с которыми мы столкнулись в ходе исследования, отобрав эти истории в соответствии с ключевыми интересующими нас направлениями. Так сделала, например, Валлерштейн в своей последней работе (Валлерштейн/Блакслее, 1989).

Проблема первого метода заключается в том, чтобы разделить взаимосвязанные перспективы ради соответствия требованиям, которые определяли общий исследовательский процесс и мою психоаналитически-педагогическую работу: научиться лучше *понимать* проблемы детей, матерей и отцов в комплексе взаимозависимых обстоятельств. На первый взгляд метод кажется адекватным. Но опасность в том, что трудно установить внутреннюю зависимость *между* феноменами и единичными случаями. Особенные сложности ждут на этом пути психологов-дилетантов – есть большой риск неверных обобщений. Недавно одна клиентка жаловалась мне, что бывший муж не только полностью принимает сторону сына, когда тот жалуется на ее воспитание, но и в присутствии мальчика критикует педагогическую позицию матери. Когда мы заговорили об этом с самим отцом, он признал, что так все и есть, и, повернувшись к бывшей жене, сказал: «Если бы ты читала книгу Валлерштейн, то знала бы, что у мальчиков, которые выросли под влиянием матери, позже возникают проблемы с установлением сексуальной идентичности». Утверждение отца в известном смысле верное, но вряд ли оправдывает его поведение. Мы думаем, что, проявляя такую лояльность по отношению к мальчику и выступая против бывшей жены, он скорее создает новые проблемы, чем помогает устранить уже имеющиеся.

В результате этих размышлений я решил отказаться от *единой* систематики и вместо этого подчинить структуру книги цели понимания, или правильнее сказать – инициировать возможность понимания, в процессе работы добавляя к уже изложенному материалу всё новые аспекты с их одновременной дифференциацией. Основная структура книги раскрывает положение ребенка, который должен справиться с изменениями в жизни (первая часть); прошлое полной семьи (вторая часть), и будущее в изменившихся в результате развода родителей жизненных обстоятельствах, в которое ребенок привносит имеющийся у него психологический багаж (третья часть). Каждую часть я использую, чтобы обратить внимание на определенные аспекты психической реакции.

*Основу первой части составляет динамика конфликта переживания развода и развитие отношений матери и ребенка после развода. Роль отца*²⁸ *будет освещена в этом разделе с*

²⁸ Собственно говоря, речь в данном случае должна идти не о матери и отце, а об имеющем и не имеющем родительские права (живущем отдельно) родителе. Но поскольку число отцов, имеющих родительские права, невелико, я позволю себе, из соображений удобочитаемости, и далее говорить о «матери» и «отце». Правда, следует взять в расчет, что жизненная ситуация одиноких отцов во многом отличается от ситуации, в которой находятся одинокие матери. Я вынужден пренебречь специфическими проблемами таких отцов. В описанных нами случаях их было чрезвычайно мало, почти все они жили с новой партнершей, были готовы к разводу либо начинали отношения вскоре после него. То есть для полноценного исследования

точки зрения ухода из семьи – его внезапного отсутствия в повседневной жизни ребенка. Разные реакции детей на развод и то, как они преодолевают сложившиеся обстоятельства в первые два года, указывают на разные варианты ситуаций в семье перед разводом. *Вторая часть* выдвигает на первый план *особенности психического развития* в условиях *прекратившихся любовных отношений между родителями*. Я исследую вероятное влияние конфликтных отношений матери и отца на ментальное развитие ребенка в различных фазах. Этот вклад в психологическое развитие раскрывает перед нами три ключевых момента: 1) проблемы ребенка начинаются не с развода как такового; 2) есть представление о возрастной специфике проблем, которые может принести развод; 3) важно, как именно на развитие ребенка влияет значение, которое он придает разводу родителей, и то, как он преодолевает сложившуюся ситуацию. *Третья часть* книги, как и первая, рассматривает развитие ребенка не столько в аспекте распада семьи, сколько в плане *изменившихся отношений*. Кроме специфических проблем, связанных с посещениями отца, значительное внимание в этой части книги я уделяю проблемам *отношений родителей после развода*. Решение этих проблем – это важнейшее условие для развития ребенка, которое создает благоприятную перспективу. Я не обсуждаю специфические проблемы, которые приносят в жизнь ребенка *новые браки* родителей. Это события, которые могут иметь огромное влияние, возникающие в связи с ними проблемы сложны и многогранны, и подробное их рассмотрение требует отдельной работы. В этой работе мы лишь затрагиваем данную проблему²⁹, ее основательному рассмотрению будет посвящена новая публикация.

Важный вопрос – как встретят книгу читатели с разной степенью подготовленности в области психоаналитической теории. Я серьезно поработал над изложением, стремясь обеспечить спонтанное понимание текста без обращения к общим теориям (основные объяснения даны в скобках и сносках), но в некоторых случаях все-таки не обойтись без теории и знакомства с соответствующими понятиями. В интересах читателей, мало знакомых с психоанализом, я постарался дать нужный теоретический материал в виде экскурсов.

Используемые *истории* отдельных семей и детей или, лучше сказать, отрывки из них, представлены в тексте не обособленно, как в вышеупомянутой книге Валлерштейн. Скорее это живые примеры, их следует воспринимать как *иллюстрации*, которые помогают читателю установить взаимосвязь между изложенными феноменами и его личной ситуацией. Читатель найдет в приложении подробные описания теоретических и методических положений исследования, которые легли в основу данной книги.

недостает эмпирического материала.

²⁹ Ср. с. 169 и далее, 273 и прежде всего 302.

Часть первая

Как ребенок переживает развод

Глава 1

Папа и мама разводятся

1.1. Психологический момент развода

Мы хотим научиться понимать, как ребенок переживает развод родителей или, другими словами, как разные дети могут его воспринимать, какие реакции и при каких условиях наиболее вероятны. Что следует понимать под словом «развод»? И что собой представляет переживание данного события? Наличие *правового акта* развода значения не имеет – для ребенка неважно, состоят его родители в официальном или гражданском браке. Юридический развод играет в этой ситуации второстепенную роль. Иногда проходят месяцы и годы до полного расторжения брака. Нередко и после развода родители продолжительное время остаются вместе. Я знаю одну пару, которая развелась, когда дочери было девять месяцев. Сегодня девочке восемь лет, а папа и мама до сих пор живут вместе.

В первую очередь нас интересует психологический момент развода. Расторжению брака часто предшествуют долгие конфликты родителей, во время которых они могут временно расставаться (один или несколько раз). Такие расставания имеют место в жизни каждого ребенка. Отец *Ганса* несколько месяцев в году проводит в заграничных командировках. Является ли Ганс по этой причине в психологическом смысле ребенком из распавшейся семьи? Отец *Биргит* работает по ночам. Когда в пять часов вечера бабушка забирает ее из детского сада и приводит домой, отца уже нет дома – он ушел на работу. Утром, когда девочка уходит из дома с мамой, он еще спит. Биргит видит отца только по выходным. Она тоже «ребенок из распавшейся семьи»?

В приведенных выше примерах речь идет о разлуках, связанных с работой, а не с конфликтами родителей. Но данный критерий тоже не вполне состоятелен: маленькие дети не видят разницы. Нередки случаи, когда рабочие командировки отцов подсознательно воспринимаются как расставание: взрослые стараются проводить меньше времени с семьей и полностью переносят жизненные интересы на работу. Есть и обратные примеры. Однажды мать *Марио* взяла сына, переехала к подруге и потребовала развод у мужа, которого до этого застала с другой женщиной. Шестилетнему Марио она сказала, что в их квартире ремонт, а папа живет у своей матери, так как жилье подруги слишком мало для всех. «Ремонтные работы» продолжались многие недели, потом отец будто бы продал квартиру, а поскольку Марио продолжал спрашивать о нем, ему сказали, что папа работает в другом городе. Так продолжалось почти два года, пока мальчик не увиделся с отцом и не узнал, что родители развелись. Когда этот ребенок начал переживать развод родителей? Конечно, не в момент переезда к маминей подруге. Это были своеобразные каникулы у тети Моники, которая очень нравилась Марио. Он гордо рассказывал друзьям, что после ремонта у них будет самая прекрасная квартира на свете. (Мама даже обещала, что комната сына будет оклеена обоями с картинками из его любимого мультфильма.)

Вышеприведенные примеры показывают, что *продолжительность развода* не является критерием его переживания. Есть дети, которые месяцами тоскуют по отцу или матери. Они грустят, но остаются несломленными. А есть такие, кого просто не узнать на второй день после

развода. Все зависит от того, как ребенок понимает развод: уходит папа (мама) *навсегда* или он (она) *вернется*. Чем отличается развод от других видов разлуки (за исключением смерти одного из родителей), так это *окончателъностью решения, необратимостью* и изменением привычных жизненных обстоятельств. Обычно такая ситуация возникает, когда ребенку *сообщают*, что «папа и мама разводятся», «папа (мама) уезжает навсегда», «папа (мама) не будет больше с нами жить» и т. д. Данное обстоятельство делает из развода *утрату*. (Более того, опыт развода и смерти одного из родителей имеют так много общего, что нет ни одного критерия, по которому их можно было бы отличить друг от друга. Особенно это характерно для детей в возрасте до семи-восьми лет, не понимающих, что такое смерть, и воспринимающих одинаково слова «уйти» и «уйти навсегда».)

Я предлагаю определить *момент осведомления детей* о состоявшемся или предстоящем разводе, а также окончательное расставание родителей как психологический момент развода. Если дети слишком малы, чтобы все понять, или если родители дают какие-то косвенные объяснения внезапному отсутствию отца (матери), невозможно установить связь психологического момента развода с однозначным внешним событием. Об этом ясно говорят примеры пострадавших детей. Девятилетняя *Габи* до сих пор хорошо помнит, как родители сообщили ей, что разводятся. Габи тогда было ровно четыре года, и она думала, что развод как-то связан со стрижкой волос (в немецком языке *sich scheiden lassen* (разводиться) и *haare scheiden* (стричь волосы) звучит очень похоже. – *Примеч. пер.*). То обстоятельство, что папа больше с ними не живет, она не связала с разводом. Однажды через год, после ссоры с бабушкой, девочка начала плакать и кричать: «Когда папа наконец переедет к нам?» – и получила ответ: «Папа навсегда останется в Л. Ты же знаешь, что твои родители развелись!» Для Габи именно этот день оказался днем развода. Марио, которому долго ничего не рассказывали (см. выше), примерно через год начал сомневаться в объяснениях матери, ее подруги и бабушки с дедушкой. Долгие месяцы он думал, чем занимается отец за границей, представлял себе экзотические страны и приключения, которые там случаются и в которых он сам, фантазируя, принимал участие. Мальчик представлял себе чудесный день, когда папа вернется. Но уклончивые ответы взрослых, чувство неловкости или раздражения, которое вызывал Марио у матери своими вопросами, озадачивали его. Папа не присылал открыток, как он делал раньше, когда уезжал. Несколько недель надежда на возвращение отца сохранялась, но постепенно ослабевала, пока не исчезла. Это и был момент развода для Марио: он вдруг просто перестал спрашивать об отце. Для матери было странно, что четырнадцать месяцев спустя после фактического развода ребенок вдруг стал испуганным и агрессивным – как ей казалось, без внешней причины.

1.2. Видимые и «скрытые» реакции ребенка на развод

Если в дальнейшем речь пойдет о *реакциях* на развод, то здесь – о глобальных изменениях, следующих за ним. Нельзя получить представление о психологической картине реакции ребенка на развод, исходя только из его поведения или других внешних симптомов. Особенности поведения могут быть выражением аффектов, так называемыми реакциями-переживаниями. Они способны отражать сложное невротическое событие, состоящее из конфликтов между частично подсознательными порывами и специфическими механизмами защиты³⁰. Важно и то, что аффекты или психические конфликты вовсе не должны проявляться внешне как некая «ненормальность». Оценивать тяжесть психической нагрузки по заметной глазу симптоматике – ошибка, которую совершают не только ученые, но и многие родители.

Петер и *Роза*, например, входили в группу детей, у которых родители развелись несколько лет назад. Они жили вместе с матерью и ее вторым мужем, который очень их любил.

³⁰ См. о психоаналитическом концепте разрешения невротического конфликта на с. 40.

Четырнадцатилетний Петер постоянно огорчал мать – у него были проблемы с концентрацией, которые мешали учебе, и он был постоянно не уверен в себе. Роза, младше брата на три года, была в школе любимой ученицей, отличалась общительностью и добротой, занималась благотворительностью. Но проведенное специалистами исследование показало, что оба подростка, как и прежде, тоскуют по отцу и у них до сих пор сохраняется агрессия по отношению к матери. В подсознании детей присутствовала установка, что мать выгнала отца из дома. Агрессия была скрыта под внешне любвеобильным и вполне бесконфликтным отношением детей к маме. Подавление агрессии у Петера «ушло» в интеллектуальную сферу и выразилось в страхе перед активными действиями. С тех пор как он начал соотносить себя больше с матерью, чем с отчимом, восприятие себя как мужчины пошатнулось, он стал более пассивным. Агрессивные импульсы он направлял на себя самого (проявлять агрессию по отношению к маме не давали угрызения совести), и под влиянием нормальных проблем переходного возраста все чаще впадал в депрессию. Роза преодолевала агрессию с помощью отзывчивости, уходя от конфликтов, – она была всегда готова помогать другим, вплоть до самопожертвования. Это стоило ей больших душевных затрат, которые в последние месяцы часто проявлялись в виде мигрени. Мать была поражена, когда я поделился с ней своими мыслями о том, что делать с проблемами Петера и Розы. Она думала, что дети не слишком пострадали из-за расставания с отцом. Клиентка рассказала, как дети, на тот момент семи и четырех лет, отреагировали на новость, что папа переехал. Петер только сказал: «Это же лучше, у нас будет больше порядка в доме!» А Роза спросила: «Я буду ходить там в другой садик?» «Дети не выделялись особым поведением, – сообщила мать. – Они стали спокойнее и уравновешеннее. Вот я и решила, что устранение напряженных отношений между мной и мужем благоприятно для них».

ЭКСКУРС: ПСИХОАНАЛИЗ, ПСИХИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И НЕВРОТИЧЕСКИЙ СИМПТОМ

Классическое психоаналитическое лечение состоит из трех-четырех посещений в неделю на протяжении нескольких лет. От пациентов не требуется ничего, кроме соблюдения *основного правила*: рассказывать первое, что им приходит в голову, о своих спонтанных мыслях и чувствах, независимо от того, кажется им это важным или нет, подходящим или неподходящим, приятно это или неловко (например, если чувства или мысли направлены против личности аналитика). Вскоре выясняется, что главное правило требует от пациента определенной жертвы, которая тяжелее финансовых и временных затрат, – постепенного отказа от привычного представления о себе. Тот, кто проходит психоанализ, узнает, что по отношению к близким тоже можно испытывать ненависть; что отвергая кого-то, мы можем испытывать страсть (возможно, смешанную с разочарованием); что люди, вызывающие восхищение, могут быть причиной зависти и ревности; что альтруистические поступки бывают продиктованы тщеславием; что желание идет рука об руку со страхом его исполнения; что под внешним самоуверенным и доминантным поведением скрывается большая неуверенность в себе; что близкие, которых мы любим невинной любовью, – такие как родители, дети, люди одного с нами пола – могут быть предметом возбуждающих фантазий и т. д. Словом, в ходе терапии обнаруживаются склонности, о которых человек понятия не имел и иметь не хочет. Это не значит, что первоначальное представление о себе, своих отношениях с людьми было неправильным. Просто психоанализ вскрывает настоящее. Опыт показывает, что душевные процессы в значительной степени

противоречивы и амбивалентны: я люблю *и* ненавижу; я хочу подчиниться *и* подчинять других, быть большим *и* маленьким, мужественным *и* женственным; хочу помогать другим и себе; я прощаю *и* ищу мести и т. д.

Итак, мы знаем об этих противоречиях. Едва ли существует желание, которое не порождало бы противоречий: я хотел бы утром дольше спать, но не хочу потерять работу; мне хочется порадовать своего ребенка и пойти с ним в кукольный театр, но хотелось бы и спокойно почитать книжку; я могу себе представить, как было бы прекрасно иметь собственный дом, но в ужасе от предстоящей работы в нем; я бы рад съесть этот вкусный шницель, но мне хотелось бы все же похудеть. Это маленькие и большие конфликты повседневности, с которыми мы живем, каждый день делая выбор исходя из того, что для нас сейчас в приоритете.

Существуют определенные ситуации и виды конфликтов, в которых способность разумно поступать подавляется или игнорируется. Когда человек говорит о том, что надо отказаться от желаний, потому что иначе грозит *опасность*, выясняется, что он *не способен на отказ*. Такие конфликтные ситуации возникают, регулярно повторяясь, и чаще всего в *раннем детстве*. Жизнь маленького ребенка характеризуется двумя особенностями – полной зависимостью от присутствия и любви родителей (или других значимых взрослых) и *увлеченностью* своими желаниями и побуждениями. Фактическая и эмоциональная зависимость требует, чтобы ребенок сохранял расположение родителей к себе, подчиняясь их ожиданиям и требованиям. При этом многое зависит не столько от того, что от него в действительности требуют, сколько от того, что *думает* ребенок по этому поводу. Если ребенок не выполняет требований, он должен бояться старших, потери их любви или вообще исчезновения. С другой стороны, мы видим детские желания, которые стремятся к удовлетворению и не терпят отлагательств. В подобных обстоятельствах ребенок легко попадает в психические конфликты, которые для него не просто неприятны или постыдны, а в высшей степени *опасны*. Если маленький мальчик или девочка попадает во власть своих чувственных побуждений, любовных желаний, нарциссических потребностей (признания и ценности) или агрессивных импульсов и фантазий и не видит шанса их удовлетворить, не страшась быть наказанным, покинутым или уничтоженным, порывы, чувства и фантазии *вытесняются* и становятся *подсознательными*. Ребенок, который, например, вытеснил свои агрессивные желания по отношению к матери, больше не нуждается в *отказе* от их удовлетворения, поскольку он их не *испытывает*. Так конфликт переходит в подсознание.

Вытеснение, однако, не устраняет психические составные конфликта. Став частью бессознательного, желания становятся сильнее и вновь стремятся в обновленное сознательное, ищут удовлетворения. Существует *измененная, тонкая форма* выражения, способная *принести удовлетворение, не вызывая первоначальный страх*. Классическими примерами данного вида конфликтной защиты являются: *перенос* вызывающей страх агрессии с близкого человека на другого, безобидного, или перенос страхов на другой объект, против которого есть возможность лучше защититься, чем против любимых и необходимых матери или отца; *превращение* желания в его противоположность (презрение, отвращение); *отрицание* фактов (как в случае фрау Б.); «*расслоение*» картины, когда ребенок создает одного

человека только из добрых частей (перед которыми можно не испытывать страх) и исключительно из злых (которые позволяют быть агрессивным), – причем «продукты расслоения» время от времени сменяют друг друга или их части переносятся на других людей, благодаря чему создаются представления исключительно о добрых или только злых людях; *проецирование* своих чувств на другого человека и многое другое.

Результатом этих подсознательных превращений (психоанализ в данном случае говорит о *механизмах защиты*) являются *невротические симптомы*: повторяющиеся виды восприятия и поведения, душевные состояния. Их вряд ли можно изменить волевым усилием, поскольку они исполняют важную психическую функцию и в известной степени являют собой *компромисс* между противоположными психическими тенденциями, прямая репрезентация которых для ребенка будет чересчур угрожающей. Невротические симптомы позволяют частично удовлетворить эти стремления в довольно безопасных формах³¹. Однажды вытесненное стремление в большей степени остается табуированным – уже во взрослом возрасте и на всю жизнь. Поскольку подсознательное не развивается вместе с сознательным «Я», в каждом человеке есть слабый, зависимый, увлеченный и боязливый ребенок. Проще говоря, все невротики страдают взрослыми – иррациональными страхами, сексуальными проблемами, невротики (истерические) физические недомогания, депрессии, проблемы самооценки и прочее – это анахронизм, результат несоответствия между нашими сознательными взрослыми и подсознательными инфантильными переживаниями, чувствами и желаниями. Поэтому их следует рассматривать как наследие психических конфликтов детства³².

В ходе лечения ведется поиск этих подсознательных, вытесненных частей личности и механизмов защиты. Цель этого поиска – предоставить их (снова) в распоряжение сознательного «Я» *взрослого*. Для взрослых конфликты из детства становятся менее опасными, есть шанс преодолеть их, не прибегая к подсознательной защите. Если это получается, симптомы теряют свою функцию (отражение страха) и могут исчезнуть.

Фрау Р. искала нашего совета насчет своей двенадцатилетней дочери *Моники*. Десять дней назад отец ушел от жены и двоих детей, чтобы начать новую жизнь в Австралии. С тех пор Моника не разговаривает с матерью, не может спать и сосредоточиться на занятиях, страдает и рыдает. Когда я спросил о втором ребенке, мать ответила: «С *Робертом* все в порядке. Кажется, с ним все в порядке». В ходе обследования обоих детей выяснилось, что для Роберта уход отца из семьи стал еще большей катастрофой, чем для сестры.

Если не рассматривать ситуации, когда отцы бьют детей и семейная жизнь состоит из страха и ужаса, надежда родителей на то, что развод не принесет детям особых переживаний, удивительна. Можно ли, обладая здравым смыслом и хотя бы минимальным психологическим чутьем, *представить* себе, что развод родителей никак не навредит детям?

1.3. Печаль, гнев, чувство вины и страх

Можно лишь вообразить, что мы почувствуем, если нас бросит человек, которого мы любим больше всех на свете. К тому же – если он сделает это без предупреждения. Многие

³¹ К аспекту невротикического удовлетворения я вернусь далее.

³² Связь между детским и взрослым неврозом см. также в других экскурсах.

родители не понимают, что отец, покидающий дом, уходит не только от жены, но и от детей. Дети переживают даже не развод *родителей*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.